

«СИНЯЯ ПТИЦА» АЛЕКСЕЯ КУШНИРА

Анна Байкалова

Этот разговор по душам состоялся в 2017 г. Он произвёл сильное впечатление на журналиста Анну Байкалову, потому что Алексей Михайлович Кушнир полностью выкладывался на интервью — как на исповеди или собственной проповеди. И читатели увидят в этих вопросах и ответах новые штрихи той борьбы за педагогику будущего, которую вёл Алексей Кушнир. А потом из этого яркого материала получился материал поминальный...

• инновационное обучение • школа и воспитание • идейная основа педагога
• летние лагеря • американская педагогика • международные связи • школа
• педагогическая журналистика • выбор профессии • подготовка
квалифицированных специалистов

Бывают встречи, которые длятся полчаса-час, но ты понимаешь, что это как ожог, после которого на всю жизнь останется шрам.

Три с половиной года назад в Магнитогорске мне повезло встретиться с Алексеем Кушниром, главным редактором журнала «Народное образование». Это был семинар директоров лагерей, где я была спикером, а Алексей Михайлович открывал пленарное заседание. На вечернем банкете меня посадили к нему и Галине Суховейко за столик, и я поняла, что встретила необычного учёного: эрудированный, сильный, энергичный, он был настолько убедителен в изложении своих педагогических воззрений, что хотелось аплодировать после каждого тезиса.

Я попросила повторить сказанное в приватной беседе и записать на диктофон, чтобы сделать из этого интервью. Алексей Михайлович согласился, и мы вышли из банкетного зала в холл, возле гардероба. Интервью получилось очень жёстким, меня многое цепляло, и иные фразы били по больному сильнее пощёчины.

Мне уже через час стало стыдно, что я могу работать лучше, но не делаю это надлежащим образом. Но в тот момент, его слова стали таким волшебным пенделем, который заставил переосмыслить программу нашего лагеря «Синяя птица».

Потом три года я пыталась согласовать интервью, в плотном графике Кушнира

не находилось на это времени. Зато каждый раз, ссылаясь на занятость (да успеем ещё, куда торопиться), он подкидывал новые темы для статей и приглашал попробовать начать писать о воспитании для его журнала. Девятого июля Алексей Михайлович покинул наш мир, и согласовывать стало не с кем. Неделю я думала о том, чтобы как-то вырезать, смягчить углы, убрать резкие фразы. А сейчас поняла, что его образ и его слова должны подаваться без ванильных фильтров и редактуры. Он не боялся говорить, что думает, и в конце концов кто-то же это должен сказать.

Настоящий педагог, борец, инноватор, учёный, всегда со своим мнением, пускай таким он останется в нашей памяти.

— Если спросить вашего лучшего друга, в чём Кушнер крут, в чём его сила, что он скажет?

— Он скажет: «Кушнер — это сила!»

— Если бы у вас в вашем плотном графике вдруг нашлось бы пять месяцев свободного времени, и вы решили бы написать книгу, то о чём бы она была и как бы она называлась?

— «О воспитании». Это и название, и содержание.

— Как водится, вам присылают книгу и говорят: «Вот здесь, на последней обложке, будет ваша фотография и под ней будет три предложения о вас». Что бы там могло быть написано?

— Не готов ответить. Вопрос шаблонный, заезженный. Это что, такая фишка блогерская? Я не знаю, какие там слова надо было бы написать, но если попытаться в трёх словах выразить моё педагогическое кредо, то я назвал бы три понятия, которые в научном отношении являются общепринятыми сегодня. Я считаю, что воспитывать детей нужно сообразно их природе, это в педаго-

гике постулируется принципом природосообразности. Во-вторых, я считаю, что воспитывать ребёнка нужно на основе процесса производства и продукта, причём самого высшего качества. И, в-третьих, я считаю, что образовательная политика, а следовательно, и обучение, и воспитание, и сама организация школы должны быть выстроены в логике теории человеческого капитала. Вот три понятия: природосообразность, продуктивность и теория человеческого капитала. Это три мировых тренда, не надо выдумывать ничего вычурного, особенного, нужно нормально следовать логике этих трёх понятий, и тогда педагогика будет по-настоящему доказательной, не болтологическая педагогика, которая любит поговорить обо всём, сделать может кое-что, а подтвердить ничего не может. А что касается нашей страны, то результативность нашей системы образования, нашего воспитания очень хорошо характеризуется такими фактами: доля высококвалифицированных рабочих в стране ниже 5%, это Путин озвучил. Производительность труда в нашей стране в 7–10 раз ниже, чем в так называемых развитых странах, и это правда. Я сам жил в Америке полтора года, я могу это подтвердить. Американцам всё приписывают, мол, они такие богатые, правильные, потому что они грабят весь мир. Вы знаете, на уровне отдельного, скажем, среднего или мелкого предпринимателя или фермера, я вижу, что причина его богатства и достатка — в высочайшей технологической культуре, которой он обладает, начиная с того, как у него организовано рабочее место, где и как у него лежат рабочие инструменты, в каком состоянии эти инструменты находятся, насколько они чисты, отточены, выверены и т.д. Т.е. сама по себе организация рабочего места любого среднестатистического рабочего и состояние его станка, на котором он работает, уже отражают эту технологическую культуру, и поэтому там они производят достаточно много прибавочного продукта, прибавочной стоимости, которая им

позволяет содержать хилых, убогих, больных и просто лентяев и удерживать страну от социальных взрывов. А большевики ошиблись в своём понимании социализма, они посчитали, что социализм заключается в том, чтобы правильно поделить, сначала отобрать и потом равномерно поделить. В это время шведы, немцы, американцы шли по пути создания высочайшей производительности труда и высочайшей технологической культуры. Я считаю, что России хватит искать свой особенный путь и пытаться обойти, миновать стадию создания высочайшей культуры всего народа, в том числе стадию производства качественного образования. России надо хоть раз попробовать пойти по этому пути, по которому уже прошла вся мировая цивилизация.

— В какой детский лагерь вы бы купили путёвку для своего ребёнка?

— Хороший летний лагерь в моём понимании — это лагерь, за который я готов платить деньги, применительно к собственным детям, это такое место из которого мой ребёнок приехал бы через 21 день мастером, например мастером-гончаром или столяром, где он мог бы освоить любую профессию хотя бы на уровне подмастерья.

И вот такой лагерь, который делает ребёнка способным приносить пользу обществу, мне интересен и как отцу, и как теоретика педагогики, и как практику педагогики, и как человеку, который мечтает о великом будущем для собственной страны. Сегодня общественное мнение, тренды формируются поколением блогеров, и мы не задумываемся, что среди них может не оказаться специалистов, профессионалов. И эти люди могут не подозревать или не знать тот простой факт, что ручные навыки не мешают интеллектуальным навыкам: не будучи педагогами, они не догадываются, что без того, что ребёнок в определённом возрасте в сензитивный период прошёл ручную стадию, невозможно получить человека, который будет силен в интеллектуальных навыках, и поэтому это противопоставление требует ликбеза. Надо просто немножко дообразовать, доучить этих блогеров, которые формируют тренд «Софт скиллс», тогда им будет всё понятно. Руки учат голову, а не голова управляет руками,

руки дают человеку способность вообще быть созидательными, и если у головы нет вот этих умелых рук, то голова никогда не двинется дальше.

Я говорю о том парадоксе, что в стране победившего пролетариата начал культивироваться человек, отчуждённый от труда, ненавидящий труд. В то время, когда Америка сама себе изобрела парадигму *learning by doing* (обучение-делание) имени Джона Дьюи, который построил свои школы, в логике которых ребёнка оценивали за продукт, а не за говорение. В это же самое время в советской России начали строить школы, в которых оценивалось говорение; таким образом, моделью для советской школы стала классическая прусская гимназия. И сегодняшняя российская школа, это калька с классической прусской гимназии. И вот эта фундаментальная разница была настолько очевидна как признак эффективности у них и неэффективности у нас ещё в начале века, что даже Ленин, которому нельзя отказать ни в прозорливости, ни в гениальности, он тогда точно сказал, что надо черпать всё лучшее обеими руками из заграницы. Вот эта знаменитая ленинская фраза «Социализм — это Советская власть плюс электрификация всей страны» в прижизненном издании Ленина звучит по-другому. «Советская власть плюс прусский порядок железных дорог, плюс американская техника и организация трестов, плюс американское народное образование есть социализм».

Это определение от апреля 1918 г., кому интересен источник — Ленинский сборник, т. 36, стр. 31. Он считал, что нам нужна американская школа здесь, в России, он это сказал и сразу сделал. Вызвал Луначарского, Крупскую и сказал: «Подготовьте документ, который бы постулировал вот эту школу вот этого типа». И в стране появился документ, который назывался «Положение о единой трудовой политехнической

школе». Этот документ вошёл в историю, много обсуждался, но работал как практическое руководство к действию недолго, считанные годы. После смерти Ленина, буквально за 3—5 лет, школа как «единая трудовая политехническая» была уничтожена. Кем? Пролетарскими вожаками, которые буквально стучали по столу и говорили: «Мы не для того делали революцию, чтобы наши дети вкалывали». Это были люди, отчуждённые от труда, искренне ненавидящие труд, для которых счастье в бездельи. И вы посмотрите на нашего обывателя сегодня, вы понаблюдайте его логику мышления, для современной молодёжи идеал жизни — это отдых. Созидательных людей у нас становится всё меньше и меньше, потому что в советское время созидательный пафос, он всё-таки хотя бы на идеологическом уровне поддерживался, несмотря на то, что подавлялся на уровне практическом. У нас человека самодостаточного, человека, который сам был способен себя обеспечивать, истребляли беспощадно до середины 60-х. Последний эшелон с раскулаченными ушёл в Казахстан, не поверите, в 1953 г. Представляете? Я уже жил, а их всё ещё раскулачивали. Для меня это прозвучало в своё время как ужасное откровение. А потом у нас ведь практически были запрещены все ремёсла, т.е. человек не мог на дому заниматься созидательным трудом, были сделаны исключения для инвалидов, для пчеловодов, для представителей некоторых редких профессий и для северных народов. Человек, способный сам себя прокормить, был страшен для власти, потому что таким человеком невозможно было манипулировать, этого человека невозможно было дёргать ни за какие причиндалы. Этот человек мыслит самостоятельно, ответственно относится к своей жизни, он не нуждается в государстве. А сегодня феномен великой русской лени идеализируется, всячески поддерживается в населении, и в том числе в вашей лагерной инфраструктуре, в которой нет ничего для того, чтобы научить ребёнка что-то делать, а есть всё для того, чтобы балдеть. В советское время бы-

ло много детских археологических, этнографических и прочих экспедиций, почему этих практик нет сегодня? Никто не хочет связываться, в том числе потому, что их никто не финансирует, не поддерживает, никто не хочет заниматься тем, за что не похвалят. У нас дошло до того, что министры говорят, что «надо воспитать грамотного потребителя», и дети растут в мегамолах. Когда мы 20 лет назад начали заниматься тематикой школ-хозяйств, авторский коллектив журнала «Народное образование» насчитал около 3-х тысяч таких учреждений, а сейчас вы и трёхсот в стране не найдёте. В конце 90-х Минфин уравнивал в правах предпринимателя и школу. Но позвольте, предприниматель зарабатывает для себя лично, а школа использует заработанные деньги для реинвестирования в учебный процесс, тратит на питание детей и т.д. Почему школа должна платить такие же налоги, как предприниматель? Сегодня существует огромное количество нормативно-правовых установок, которые демотивировали директоров школ полностью, и даже те, кто ещё вчера мыслили заниматься хозяйственной деятельностью не во имя трёх копеек, а во имя воспитания делом, плюнули и бросили. Благотель воспитывается посредством дел, а не посредством болтовни. И те педагоги, которые пытались воплощать ещё вчера эту разумную альтернативу сегодняшней аниматорской педагогики, и директора детских лагерей забросили свои иллюзии и перестали воевать, копыа ломать и вообще напрягаться, потому что можно только то, что разрешили или сказали. Как говорил классик — «любая инновация в России возможна только сверху», это очень точно сегодня характеризует состояние современной школы. Сегодня нельзя, как в 90-х, прийти в школу и сказать:

— «Слушайте, есть сумасшедшая, эффективная методика, которая даёт высокий результат по математике, и давайте сделаем».

— «А как она выглядит?»

— «А вот так».

— «Ой как здорово, а давайте сделаем». Сегодня это невозможно! Сегодня все склоняют в позитивном смысле финскую школу, но ведь финская школа 20 лет назад что сделала? Она уравнила в правах вальдорфскую педагогику, систему Монтессори, детский сад, школу, уравнила все передовые методики с обычной государственной традиционной школой в правах. Финны, признавшие многоукладность образования, пошли семимильными шагами в сторону метапредметности, поликультурности и в сторону отказа от классно-урочного обучения в частности. А мы с вами в России не можем шагу ступить ни в чём и нигде. Главные в нашей стране инноваторы — это министр и инспектора, которые его окружают, поскольку то, что они придумывают, может быть реализовано с помощью определённых механизмов. А то, что придумает школа и захочет реализовать, если это не дай бог отличается от того, что придумали сверху, даже если это лучше в 10 раз, это не имеет права на существование. Я сам автор и разработчик инновационной технологии обучения, которая летом была апробирована в Челябинской области, на базе детского летнего лагеря. На одной смене мы собрали детей-двоечников, которые никак не могли научиться читать, которые в третьем классе мычали по слогам еле-еле. Мы собрали таких детей в одну группу и, применяя особую технологию в обучении, научили их всех бойко читать за 42 дня, т.е. за две смены. Мы получили прекрасные результаты, и за 30 лет исследовательской работы я доказал, что эта технология позволяет вместо четырёх учебников «Родная речь» только на уроках за четыре года обучения прочитать 80 томов детской классики, т.е. количество освоенного в начале контента может увеличиться в 20 раз. И вот смотрите, министры, меняя друг друга, замминистры, начальники управлений и другие прочие академики в самых разных ситуациях плачут, что дети перестали читать, что они не любят читать, что нужно что-то делать. Мы говорим, что вот она, готовая, революционная методика, таких результатов, таких прорывов, повышающих эффективность обучения в 20 раз, не было в истории никог-

да. А тут с 83-го года, когда я эту технологию обнародовал, она так никому и не нужна оказалась. Финансируются какие-то программы, которые не дают никакого результата, создаются какие-то ассоциации поддержки развития чтения, и не одна из этих организаций, возглавляемых высокими именами, ни разу не поинтересовались моей методикой, хотя много о ней слышали. Знаете, Аннушка, наверное только в нашей стране изобретатель ходит 30 лет и предлагает своё изобретение, потом помирает. В Америке проходит 2–3 года от изобретения до внедрения, а у нас 30 лет. И вот я просто уверен, что помру я, и к нам придёт методичка из Германии — и её все начнут взахлёб читать и превозносить. Это наша национальная черта — инновационная тупость, беспросветная инновационная тупость, и она меня удручает. Я не понимаю, как может в стране, которая хочет перейти на инновационные рельсы развития, существовать всего единственное специализированное учреждение, которое даёт профессию патентоведа и экономиста по управлению интеллектуальной собственностью, и у них набор всего 10–15 бюджетных мест. Огромная страна, которую только инновациями можно развивать, в ней готовят всего 10–15 профессиональных патентоведов в год. Я не могу понять, как это может сочетаться. Понимаете, если, например, в Чехии хотят, чтобы появились солнечные электростанции, они создают так называемый зелёный тариф, а мы только трещим о том, что хотим развивать альтернативную энергетику, но зелёный тариф не вводим. Мы врём, мы всюду врём, мы говорим, что мы, мол, хотим, но мы этого не делаем, а делать нужно то единственное, что и нужно делать: поддерживать инновационщика, поставить в исключительные условия, в плане защиты его интеллектуальной собственности, в плане поддержки его труда, в плане оценки. Мы собираем целые форумы бездельников, это называется «Молодёжные форумы»,

типа Селигер и т.д., где собирается какая-то тусня, которая болтает, болтает, болтает, но мы почему-то туда не позвали тех мальчишек, которые уже сегодня создают прибавочную стоимость, мы не собрали тех, кто производит, ту молодёжь, которая что-то делает, а мы болтунов собираем на все эти форумы и заигрываем с ними. Т.е. на те деньги, сколько ушло на все эти форумы, можно было создать, скажем, тысячу молодёжных действующих развивающихся и рентабельных предприятия, которые ставили бы молодого человека на ноги. Но мы предпочитаем тратить деньги на болтовню, на конкурсы, на президентские гранты и т.д. вместо того, чтобы создать инновационную площадку. Не шоурум, не развлекательную очередную, а площадку научно-технологического профиля, или высокотехнологичное производство типа макареновского, где работали бы 12–14-летние мальчишки и девочки вместе с мастерами. Но создать такое производство в огромной стране мы никому не позволили, потому что у нас есть какое-нибудь агентство стратегических инициатив, где работают молодые люди, которые сами не построили заводы, не выпустили фотоаппарат, как Макаренко, не посадили сад и даже цветочка одного не вырастили. Там работают мальчишки которые красиво говорят, и красиво мечтают, но никогда ничего практического не делали, и сейчас они управляют нами. И вот страна идёт по пути создания таких вот хорошо финансируемых, хорошо откармливаемых организаций, и на них делают ставку. Я бы сделал ставку на ту молодёжь, которая непосредственно в поле создаёт материальные ценности, в том числе и интеллектуальные ценности. Если я кого-то собирал бы на форумы, я бы собирал тех людей, у кого не меньше 3-х патентов, у кого капитализация изобретений или инноваций не менее миллиона в год. Надо бережно разговаривать с теми людьми, кто обладает производящей мощностью, а не с теми, кто своей образованной, хорошо говорящей головой создаёт иллюзии у себя и у других, с теми, кто может переспорить родителей, препода-

вателей, кого угодно, а сделать ничего не может.

— Если бы вам представилась возможность поговорить с любым человеком, любая эпоха, любая страна, у вас час на разговор, кого бы вы выбрали? Мне интересна ваша личность в истории.

— Я думаю, Коменский, Джон Дьюи и Макаренко.

— Могли бы вы рассказать, был ли у вас у самого опыт вожатства, работали ли вы в лагерной сфере, пока не ушли в науку.

— Я сдал экзамены в 8-м классе, получил хорошие оценки (я амурский мальчик, из Амурской области), ну, а я просто размышлял, что бы такого сделать. Помните, как у Владимира Маяковского? «Юноше, обдумывающему житьё, решающему, делать жизнь с кого, скажу, не задумываясь — делай её с товарища Дзержинского». Ну, и я думал. Иду я весь из себя озабоченный, суббота, город праздничный, отдыхающий, вижу — вывеска, а на этой вывеске написано: «Белогорское РОНО» или ГорОНО, я уже точно не помню, я зашёл в эту дверь, думаю: «Что такое ГорОНО?» — догадываюсь, что это отдел народного образования, прохожу к заведующей ГорОНО, заглядываю, меня увидела женщина: «Тебе чего, мальчик?» И мне пришлось на ходу придумывать, собственно, зачем я сюда зашёл: «А я хочу на работу устроиться и хотел спросить, можно ли мне в лагерь поехать работать, в пионерский». «А ты кто, из какой школы, а кто у тебя директор», а нет, она тут же набрала домашний телефон директора школы, Клары Николаевны, и говорит: «У тебя есть такой ученик?», «Есть», «Как он?», «Хороший ученик», «Можно его в лагерь отправить работать?», «Можно», и меня отправили в лагерь, и взяли на кухню кухработником, но это была вторая смена, а в третью смену я уже работал вожатым,

а после девятого класса я опять работал во-
жатым, а после десятого поступил в Благове-
щенский пединститут. На выбор профессии,
на выбор судьбы повлиял тот факт, что я
учитель в восьмом поколении. Питерцы очень
хорошо знают город Всеволожск. В городе
Всеволожске, практически в центре города,
когда-то был такой туристический объект, ко-
торый назывался «Дача Хус», так вот «Дача
Хуса» — это не что иное, как одна из пер-
вых финских школ. Всеволожск тогда был
финской территорией, и моя семья по мате-
ринской линии — финская семья, она из по-
коления в поколение владела этой школой,
рулила эту школу, и там до сих пор есть
улица Хус, вот эта улица и названа именем
моих предков, т.е. я учитель в 8-м поколе-
нии, моя мама — учительница, мой дед —
учитель, прадед — учитель и т.д.

— А лагерная история, она продлилась всего
два лета или имела какое-то развитие?

— Я, конечно, как студент пединститута,
проходил в лагере практику, но это ничем
не примечательная для науки история, а вот
по-настоящему моё педагогическое опытниче-
ство в лагерном формате, оно этим летом со-
стоялось здесь, в Челябинской области. Это
когда мы собрали двоечников и научили их
читать, я в данном случае адаптировал свою
технологию к реалиям лагерной смены и стал
научным руководителем этого проекта. Ну,
и, как водится, после проведения смены по-
нял, что такие смены не нужны министрам,
они не нужны заместителям министров, они
не нужны региональным министрам, за ред-
ким исключением. Знаете, самый инновацион-
ный регион в стране, где системно внедряют-
ся инновации, это Якутия. Вот там к иннова-
циям относятся совсем по-другому, видимо,
из-за этого ужасного холода, который там
царствует. Там они им нужны, чтобы жить
и выживать в этой жесточайшей природной
ситуации, в которой они испокон веков нахо-
дятся, где морозы 50 градусов. Для них ин-
новация — это вопрос выживания, потому
что отток населения среди якутов колоссаль-
ный, и руководителям надо создать привле-
кательную жизнь там, скорее всего поэтому
местное руководство мыслит совершенно по-
другому. Хотя есть и другие северные регио-
ны, которые не проявляют никакого интереса

КАКИМ ОН БЫЛ

к образованию, а Якутия меня в этом
плане очень радует.

— Кого вы могли бы назвать своими
учителями?

— Есть формальный, а есть нефор-
мальный ответ. Иногда человек, кото-
рому случилось в твоей жизни просу-
ществовать, может быть всего лишь
10 часов, а он оказал на твою жизнь
гораздо больше влияния, чем тот чело-
век, который был на протяжении це-
лых десяти лет рядом с тобой. Были
в моей жизни незабываемые встречи,
которые оказали на мою судьбу очень
серьёзное влияние. Среди учителей
школьных, пожалуй, самый незабывае-
мый учитель для меня — это учитель
труда Сергей Дмитриевич в Поздеев-
ской школе, фамилии его не помню.
Другие учителя тоже прекрасные, за-
мечательные, но Сергей Дмитриевич
не имел профессионального педагогиче-
ского образования, но он был настоль-
ко профессионален как педагог, чело-
вечен как человек, что на мою судьбу,
педагогическую во всяком случае, он
оказал бесспорное влияние. Потом мо-
им научным руководителем в аспиран-
туре была Валерия Сергеевна Мухина,
академик, доктор психологии, совер-
шенно потрясающий человек, учёный,
она, безусловно, оказала на меня мощ-
нейшее профессиональное влияние,
и знаете, даже не сразу. Я её не сразу
раскусил, понял и оценил, а когда по-
нял, с той минуты восхищаюсь ею
по сей день. Т.е. психология как наука
в её исполнении оказалась очень до-
ступной, очень, я бы сказал, техноло-
гичной и очень жёсткой. В её исполне-
нии психология однозначна, она
не терпит плюрализма. И вообще я
понял благодаря Мухиной, что на-
ука — это не та область, где можно
голосовать. Когда у нас есть какой-ни-
будь экспертный совет, где уважаемые
люди руки поднимают, у меня сейчас
это вызывает ощущение, так сказать,
неадекватности полной, потому что это

не научная процедура, голосование уважаемых людей — это не научная процедура, а у нас академики в этом участвуют, т.е. у нас по сей день в образовании нет системы научно обоснованной, технологичной, однозначно понимаемой экспертизы, и это страшно, потому что мы живём в мире беспредела неопределённости. Что такое измерять эффективность школы баллами за знания? Баллы за знания коррелируются успехом в жизни? Нет. А что в Рособрнадзоре или системе образования об этом ничего не знают? Они наверняка знают, но почему-то это делают, почему они это делают? Я думаю, что они просто ненавидят Россию, русских и борются с Россией, да я смеюсь, конечно, но как по-другому объяснить, весь мир измеряет эффективность образования эффективностью выпускников в жизни и находит для этого возможности измерять критерии какие-то, скажем, уровень дохода подсчитывает выпускников через 10 лет после школы. Да, они тестируют их тоже, но они не измеряют эффективность школы этими баллами за знания, потому что баллы за знания они, и все давно об этом знают, не коррелируют с успехом в жизни. Почему они иногда берут абсолютного идиота по алгебре, но хорошего баскетболиста, потому что почему-то высокая эффективность в баскетболе коррелирует с успешностью в жизни и в бизнесе гораздо больше, чем знание по математике и по алгебре. А почему так? Вот они почему-то это знают, ну а почему они знают, потому что это измеряли, они это на огромных и разных выборках пробовали, мерили, измеряли, а у нас люди придумывают из головы теории. Сейчас министр Васильева выходит и бросает такие фразы: «Надо уменьшить число часов, выделенного на иностранные языки». Хорошо, давайте уменьшим, я тут с ней согласен. «Надо уроки труда восстановить», «Хорошо, давайте восстановим», «Надо историю преподавать в стране по одному учебнику», «Ну хорошо, давайте историю по одному учебнику», где за этими словами стоит хоть какая-то наука? Где доказательность?

Поведение нашего министра в данном случае ещё раз подтверждает, что всякая кухарка может управлять государством.

Я считаю, что в педагогике прежде всего должна измениться методология, и вообще само понимание воспитания. Воспитание — это управление развитием личности, в то время как обучение — это управление развитием интеллекта. Если мы формируем личность, то личность без продукта не существует. (Я не могу привести авторство, возможно у такого определения уже есть автор.) Это просто моё убеждение. Даже та методика чтения, которую я считаю своим изобретением, и это действительно гениальное изобретение, она, оказывается, 500 лет назад существовала, и в православном храме батюшка учил неграмотного сельского дьячка петь по ней псалмы или читать молитвы. Он ему не позволял запоминать буквы, поскольку Божье слово можно читать только по канонам, он его заставлял молча пальцем следить за собственным чтением до тех пор, пока тот не научался орать службу как положено, по канонам. А моя методика чтения заключается в том, что звучит фонограмма, а дети молча следят пальчиком за чтением диктора и научаются читать гораздо лучше, качественнее и т.д. Без изменения методологии воспитания в стране ничего не произойдёт. Чем мощнее мы будем тащить молодёжь к пропасти, тем хуже для страны. Помните у того же Владимира Ильича, он тут не оригинален: «Пытаясь решить частные вопросы, не решив прежде общие, мы будем вновь и вновь наткаться на эти общие вопросы». Вот беда министра Васильевой в чём? Она не решила общих вопросов, она не определилась с методологией и научной школой, она присвоила себе и право, и обязанность изрекать истины и придала этому процессу характер спорадических, косметических вбросов, а изюминки, которые она вбрасывает, даже если она правильно говорит, без системного понимания общего процесса, они бессмысленны, они способны только

вносить дезориентацию в профессиональное сообщество. Всё на ходу, она всё продумала гениальнее всех. А зачем у тебя академия есть? Целая академия образования, пусть эта академия сначала обоснует, что надо делать, вот тогда это будет правильным управленческим подходом.

— Какие три качества должны быть у руководителя? Именно педагогического коллектива.

— Это слишком формально. У руководителя должно быть много качеств, но здесь есть очень важный аспект. Сейчас у нас этакая волна, этаким трендом в менеджменте, когда в разных отраслях появляются так называемые эффективные менеджеры, зачастую это люди, не имеющие специфических знаний в конкретной области, и это проявилось, в частности, в том, что у нас появились управленческие факультеты. Вот, например, один из моих сыновей тоже поступил на управленческий факультет, я ему говорил: «Слушай, не получить ли тебе сначала глубокие знания в определённой специализации, в определённой профессии?», «Нет, я хочу управлять». Я говорю: «А кто тебя возьмёт управлять?», «Ну, вот все ищут хороших менеджеров», «Как ты можешь стать хорошим менеджером, не понимая производство, не будучи крутым специалистом в конкретной отрасли?», «Пап, ты не понимаешь». Когда они входят в тупик, молодёжь, они говорят, что ты не понимаешь. В итоге он вынужден создать свою фирму, потому что его никто не зовёт управлять, и вот он сейчас учится управлять собой и двумя-тремя своими соратниками. Он, возможно, вырастет в хорошего менеджера, дай Бог, но того понимания, что управлять отраслью, управлять школой должен человек, который прежде всего владеет тканью педагогической, если речь идёт об образовании, вот это понимание утрачено в системе образования и в системе образовательного менеджмента, и поэтому я уверен, что первые профильные знания у директора школы должны быть именно педагогические. А из числа хороших педагогов всегда выявляется очень хороший педагог, который искусно управляется не только со школьником, но и со взрослыми. Макаренко, например, никто не давал основ менеджмента, он закончил очень слабенький

КАКИМ ОН БЫЛ

педагогический курс, но этот человек жил своим делом и создал систему, которая легла в основу современного корпоративного менеджмента, а ведь его во всём мире чтут как гуру современного менеджмента. Взять ту же систему пожизненного найма в Японии, это сводные отряды, это смена командиров, которая была в колонии у Макаренко, где человек по горизонтали проходил все участки, потом переходил на следующий уровень менеджмента, и таким образом он образовывался как менеджер. А на сегодняшний день всё очень грустно в образовательном менеджменте.

— Вы бы не взялись за такое учреждение?

— А меня и не позовут, я слишком выпадаю из системы, тот же Каспржак, когда работал в Тверской области, закрывал сельские школы, он как лидер меня не заинтересовал, он вместо того, чтобы, допустим, создать школе за миллион рублей производство, которое будет кормить сельскую школу теперь всегда, поскольку будет приносить, скажем, десять миллионов прибыли в год, и сделать школу собственником этого производства, тем самым решить проблему финансирования малокомплектной школы, да ещё и создать рабочие места, и место, где ребёнок тренирует свою продуктивность, такие производственные возможности всегда есть, были и будут, вместо этого мы закрывали сельские школы. Каспржак радостно отчитывался, как он закрывает школу, т.е. этот человек не способен на создание созидających инфраструктур по определению. Может быть, он изменился, и, может быть, тот штаб задачи, в которой он сейчас оказался, позволит ему изменить свои взгляды.

— Алексей Михайлович, а вот сами вы на чьи труды опираетесь, когда говорите, что трудовое воспитание должно стоять во главе угла? Где доказательная база?

— Это народная педагогика. Благодетель воспитывается посредством дел, а не посредством болтовни. Дальше, как только ребёнок в руках ощущает продукт, у него изменяется его психологическое состояние.

А доказательная база прячется в школах, их мало, но они есть. Я знаю такую сельскую школу в Сибири, малокомплектную, всего на 32 ребёнка, которая получает один млн чистой прибыли в месяц за счёт собственного производства, где педагоги уверены, что воспитывает только образцовый труд. По Макаренко, воспитывающее производство должно быть высоко технологичным, или, как говорил Антон Семёнович, «передовым технически», оно высоко рентабельным и должно быть образцово организованным, и тогда только оно воспитывает, а сегодняшняя сельская школа, если и предлагает ребёнку труд, то, откровенно говоря, это отстойный труд, и такой труд не воспитывает, он лишь формирует у ребёнка неистребимое желание скорее уехать из этой деревни, поэтому если мы говорим о воспитывающих практиках производственных, то, повторяю, это высокая технология, это высокая рентабельность, это образцовая организация труда. И такие организации, как «Артек», как «Орлёнок», «Океан», а также все продвинутые лагеря, могли бы наряду с анимационной, пузогрейной, развлекательной потребительской направленностью не копать себе яму, самостоятельно возводя лень и пустой отдых в тренд. Если бы вся эта система начала выращивать у себя эту продуктивную составляющую, то я абсолютно уверен, что найдутся и дети, и родители, которые поедут и на гончарную смену, которые хотят, чтобы ребёнок пробыл в лагере 21 день и приехал мастером, получившим квалификацию гончара. Я абсолютно уверен, что найдутся и родители и дети, которые поедут на столярную смену, не в смысле помастерить, а в смысле, они за 21 день станут реально, ну скажем, обладателями пускай всего лишь второго, но разряда. Есть такие ремёсла, в которых для ребёнка нет

никаких опасностей ни для здоровья, ни для чего. Эти ремёсла могли бы лечь в основу этих практик и детско-взрослого образовательного производства. И надо сказать, что такие производства есть, полулегальные, нормативку таких производств никто разрабатывать не хочет, но когда люди говорят, что нельзя, чтобы ребёнок даже с доски мел стёр, что это нарушение чего-то, это глупость чистой воды, потому что в законе об образовании сказано, что не разрешается труд детей, который не является образовательным процессом, т.е. если у вас есть образовательная программа, которую утвердил директор школы, а в этой образовательной программе 95% часов носит практический характер, т.е., по сути, это работа на станке, то если такая программа есть и она утверждена директором школы, вам никто не может предъявить претензии, вообще никакие. Вы в любом лагере можете создать любое самое сложное производство, вплоть до литевого, ну, обеспечьте безопасность ребёнка на всех этапах, детские кузни же существуют, и они правда всё ещё существуют, их вот-вот удавят окончательно, и всех русских превратят в этих труляляшных анимационщиков, потребителей этих анимационных услуг, но не всё же в стране идиоты, есть люди, которые пытаются сопротивляться этому, а уж если вы создали какую-то частную структуру, я имею ввиду такую лагерную, создайте продуктивные смены у себя. Вам нужна в этом плане поддержка, помощь или руководство научное — мы поможем.

— Ваше пожелание директорам лагерей России?

— Поскольку 95% директоров осуществляют анимационные программы, занимаются развлекательными практиками, за редкими исключениями, то никаких пожеланий для этого контингента директоров у меня нет. Они мне не интересны.

— А тем, кто делает хорошее нужное дело?

— Тем, кто создаёт продуктивные практики, я желаю вовремя сделать Правильный выбор. Не гнаться за клиентом, рублём, сиюминутной выгодой. Это тупиковый путь, и он ведёт страну к краху, т.е. вы своими руками растите недееспособное население, которое обо всём поговорить может, но ничего сделать не может. Мы постепенно утратим все позиции и в технологическом мире и политическом и т.д., но тем, кто всё-таки стоит на пути создания такой продуктивной педагогики, воссоздания или воспроизводства, я хочу пожелать — нет ничего практичнее хорошей теории, идите к первоисточникам и читайте — Джона Дьюи и Антона Макаренко, Георга Кершенштейнера и Селестен Френе. Если бы мы пошли по пути Макаренко в создании нашей общей школы и создали бы для ребёнка пространство продуктивности, пространство самореализации в виде реального продукта, имеющего стоимость, там, где выпускали фотоаппараты, которые шли на экспорт или электродрели, которые очень широко продавались и в том числе тоже шли на экспорт, то я думаю, что Россия сегодня обладала бы абсолютным технологическим лидерством во всём мире. Но, увы, победили вожаки пролетариата, для которых идеалом образования было образование аристократов,

т.е. гимназическое образование, хорошее образование, и когда вы даёте сыну рабочего аристократическое образование, то получается ни рыба ни мясо, маргинализм, который стал нормой всех и всего, т.е. он и не пролетарий и не аристократ, он — никто. У аристократа своя стезя, своя планка и своя беда, а у рабочего и у мастерового человека своя. И непонятно, что лучше: мастера, вышедшие из рабочих, зачастую становились миллиардерами, тот же Форд, а аристократы очень часто разорялись вдрызг, т.е. на самом деле совсем не кровь определяет уровень, статус человека в социуме. А наша страна по-прежнему не уважает рабочих, не уважает мастерство, не стремится к нему, все хотят, чтобы их ребёнок стал хорошо образованной говорящей головой. Все стремятся научить его говорить, и, кстати, вся технология образования построена на устных ответах, ну или на словесных ответах, но когда вы учите всю страну хорошо говорить, то вы получаете население, народ, который хорошо говорит, но делать ничего не умеет, не может. Желаю вам, коллеги, брать на себя ответственность за будущее нашей страны. **НО**